

“КАЖДОЕ СЛОВО НЕОБЪЯТНО, КАК ПОЭТ...”

В.А. Воронаева

Статья посвящена двум юбилейным датам – 210-летию со дня рождения А.С. Пушкина и 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя, творческому содружеству двух великих русских писателей.

Ключевые слова: юбилей А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя; оценка Н.В. Гоголем творчества А.С. Пушкина.

Слова, вынесенные в заголовок статьи, молодой двадцатитрехлетний писатель Н.В. Гоголь

адресовал А.С. Пушкину, своему кумиру и учителю. Мы, почитатели таланта и Гоголя, и Пуш-

кина, в эти юбилейные дни все еще пытаемся как-то осознать их величие, проникнуть в духовный мир двух великих классиков.

За пять лет до гибели Гения русской словесности А.С. Пушкина другой Гений – Н.В. Гоголь записал: “При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство.

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет” [1, 743].

О самом же Н.В. Гоголе И.С. Тургенев в “Письме из Петербурга”, опубликованном в “Московских ведомостях” 13 марта 1852 г., писал: “Какое бы ни было окончательное место, которое оставит за ним история, мы уверены, что никто не откажется повторить теперь же вслед за нами: мир его праху, вечная память его жизни, вечная слава его имени!.. Он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим: человек, который своим именем означал эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших” [2, 571].

Специалисты считают, что в России в то время не было писателей, более близких, чем Пушкин и Гоголь. Разумеется, близость эта была больше поэтическая, творческая. На десять лет Гоголь был моложе Александра Сергеевича и считал, что нет в России поэтов, подобных Пушкину. Боготворя, Гоголь мог и подсмеиваться над ним, и даже пытался уравнивать себя с ним в почти приятельских отношениях. В одном из писем М.А. Максимовичу он называет Вяземского и Пушкина “нашими”.

Гоголь страшно жалел, что, уезжая из России, не простился с Пушкиным. “Даже с Пушкиным я не успел и не смог проститься, – пишет он Жуковскому, – впрочем, он в этом виноват!”

По словам Якима, гоголевского слуги, накануне отъезда Гоголя за границу Пушкин просидел у него в квартире всю ночь напролет, читая начатые сочинения. Это было последнее их свидание [3, 195].

Сжигая однажды свои бумаги, Гоголь не предал огню письма и записки Пушкина. До пос-

ледного мгновения своей жизни он остался почитательно верен памяти великого поэта.

Разумеется, в творческих отношениях двух гениев неминуемо могли быть противоречия и, наверно, были. Произошло то, что произошло: в ту пушкинско-гоголевскую эпоху поэт уже завершал свой путь, Гоголь – лишь начинал. Так считают специалисты. “А как же быть с творческим бессмертием этих двух гениев?” – спрашиваем мы.

В самом деле, гении уходят физически, творчество же их продолжается и, развиваясь, создает свой Мир – Мир Духовный.

Отмечая сегодня двухсотый год рождения Гоголя и двести десятый – Пушкина, нелишне спросить: “А где мы, нынешние? С кем мы?”

Н.В. Гоголю было всего 23 года, когда он сделал первоначальные наброски статьи об Александре Сергеевиче. Но и в окончательном ее виде читатель увидел “Несколько слов о Пушкине” очень скоро, в 1834 г., в первой части “Арабесок”. В статье Н.В. Гоголь обосновывает своей¹ характеристикой творческой жизни Пушкина вывод о поэте, как о “чрезвычайном явлении” в русской литературе.

Он находит в Пушкине русскую природу, русскую душу, русский язык, русский характер.

Причем, замечает Гоголь, “в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла. Самая его жизнь совершенно русская”.

Наблюдая за творчеством А.С. Пушкина, Н.В. Гоголь, еще молодой человек, но достаточно зрелый и известный писатель, с какой-то молодежной задорностью пишет о самой жизни Пушкина, совершенно русской: разгульной и раздольной, к которой иногда, “позабывшись, стремится русский” и которая всегда нравится “свежей русской молодежи”.

Судьба не дала Гоголю даже в молодые годы испытать этот разгул и раздолье, и потому очень тактично, намекая на пылкую отзывчивость души Пушкина, он пишет:

“Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ... поразил его; он, можно сказать, *вызвал силу души его* и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях”.

Гоголь считает, что именно Юг – Крым и Кавказ, – пленившие Пушкина *поэтической* жизнью “дерзких горцев”, их схватками, их быстрыми, неотразимыми набегам, повлияли на “кисть” – перо Поэта, которое приобрело тот

¹ Здесь и далее подчеркнуто нами. – В.В.

широкий размах, ту быстроту и смелость, которая “так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию”.

Действительно, магическая сила пера Пушкина изумляла и изумляет и в наши дни даже тех, кто не имеет “столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его”.

Испытав на себе влияние поэтического творчества Пушкина, а скорее, наверное, движение души его, Гоголь замечает: “Смелое более всего доступно, сильнее и просторнее раздвигает душу, а особенно юности, которая вся еще жаждет одного необыкновенного”. Думается, здесь проявляется педагогический дар от Бога самого Гоголя.

Через творческий портрет Пушкина Гоголь дает свое представление об истинно национальном поэте: “... истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа”. Поэт может быть тогда национален, когда, восхищаясь совершенно иным миром, “глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа”, говорит и чувствует так, “что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами”.

Такое возможно, считает Гоголь, только “в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет”. Этим даром обладал Пушкин, и к этому же стремился Гоголь: “Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пиесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина” [1, 744–745].

Творчество А.С. Пушкина Гоголь рассматривает в процессе, в динамике.

Да, Кавказ “вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях”. Но потом, когда Кавказ “скрылся от него со всем своим грозным величием и державно возносящеюся из-за облак вершиною”, Пушкин погрузился “в сердце России, в ее необыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников и захотел быть вполне национальным поэтом...”. Но его поэмы уже не всех поражали той яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него все, “где ни являються Эльбрус, горы, Крым и Грузия”.

Гоголь понимал, как трудно Пушкину оставаться Пушкиным в той обстановке, когда почитатели его, пораженные “смелостью его кисти и волшебством картин”, им изображенным, требовали, чтобы отечественные и исторические происшествия сделались предметом его поэзии.

И уже тогда Гоголь заявил: “...нельзя теми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить более спокойный и гораздо менее исполненный страстей быт русский”. Да еще с нашими судьями в истертих фраках, запачканных табаком, которые самым “невинным образом, посредством справок и выравок, пустили по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ”.

Именно в творчестве Пушкина уже тогда, при его жизни, и за три года до его гибели, Гоголь увидел особый Путь Поэта: “Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только может совершенно понять тот, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух. Потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина” [1, 746]. И далее Гоголь озабоченно спрашивает: “По справедливости ли оценены поэмы Пушкина? Определил ли, понял ли кто “Бориса Годунова”, “это высокое, глубокое произведение, заключенное во внутренней, неприступной поэзии, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа?”

В собрании небольших пушкинских стихотворений Гоголь увидел ряд самых ослепительных картин: и наслаждение, и простоту, и мгновенную высоту мысли, вдруг объемлющую священным холодом вдохновения... “Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия: никакого наружного блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; все лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что означают все. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт”.

“...Но, увы, это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и, наконец, так становится тесен, что он может перечест по пальцам всех своих истинных ценителей” [1, 748].

Поистине, здесь Гоголь весь в духе Пушкина: Поэт! Не дорожи любовью народной. Восторженных похвал пройдет минутный шум...

А далее – оптимистичнее:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной

Иди, куда влечет тебя свободный ум...

Не требуя наград за подвиг благородный.

В фотографическом портрете Н.В. Гоголя 1845 г., не подкрашенном кистью живописца, мы видим писателя таким, каким он был в жизни. Чувствительная пластина дагерротипа донесла до нас облик писателя, “странного” гения, наиболее соответствующего словам из книги пророка Иеремии: “Горьким словом моим посмеюся...”.

Тонкое лицо с глубоко запавшими глазами, внимательно глядящими на мир, готовое улыбнуться в любую минуту, печально. Черный костюм с белой сорочкой как будто скрывает или отгораживает внутренний мир писателя от каждого, видевшего его в ту минуту. Руки – художника.

До трех лет он не говорил, но... в пять уже писал стихи и, говорят, неплохие. Очень рано начал рисовать и впоследствии даже перо своего кумира Пушкина называл кистью.

“Страстный поклонник всего высокого и изящного, Гоголь на школьной скамейке тщательно переписывал для себя на самой лучшей бумаге с рисунками собственного изобретения выходившие в то время в свет поэмы “Цыгане”, “Братья-разбойники” и главы “Евгения Онегина”, – вспоминал Г.П. Данилевский.

По признанию самого Н.В. Гоголя, А.С. Пушкин занимал все его воображение еще на школьной скамье. Личное знакомство Пушкина с Гоголем произошло на вечере у П.А. Плетнева в двадцатых числах мая 1831 г. и потом, по собственному признанию Гоголя, он “почти каждый вечер встречался с Пушкиным и В.А. Жуковским. “О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера этих мужей”, – писал он в ноябре того же года А.С. Данилевскому. Дальнейшие их встречи происходили на квартире А.С. Пушкина, у В.А. Жуковского, П.А. Плетнева, П.А. Вяземского, А.О. Смирновой, в литературных кружках столицы. Осенью 1833 г. Н.В. Гоголь и В.Ф. Одоевский попытались привлечь А.С. Пушкина к изданию сборника “Тройчатка, или Альманах в три этажа”, но замысел не удался.

А.С. Пушкин принимал активное участие в творческой и жизненной судьбе Н.В. Гоголя. В 1833–1834 гг. он хлопотал о предоставлении Гоголю кафедры всеобщей истории во вновь открытом Киевском университете, советовал ему писать историю русской критики. Несколько позднее Пушкин передал Гоголю сюжеты “Мертвых душ” и “Ревизора”.

В “Авторской исповеди” Гоголь признавал, что Пушкин отдал ему собственный сюжет, “из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы. Это был сюжет “Мертвых душ” (мысль “Ревизора” также принадлежит ему)”.

Авторские исповеди Гоголя подтверждаются сохранившимися пушкинскими планами. Во фрагменте “В начале 1812 года” поэт рассказывает о городничем – “взяточнике, балагуре и хлебосоле”, его жене – “свежей веселой бабе” и их дочери – “стройной меланхолической девушке лет 17, воспитанной на романах...”. Фабулу “Ревизора” напоминает также следующий отрывок: “Криспин приезжает в губернию № 3 на ярмарку – его принимают... Губернатор – честный дурак – губернаторша с ним кокетничает – Криспин сватается за дочь”.

В начале 1836 г. Пушкин привлек Гоголя к сотрудничеству в “Современнике”. Именно в этом журнале впервые были опубликованы гоголевские “Коляска”, “Нос”, “Утро делового человека”, статья “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году”, рецензии.

А.С. Пушкин высоко ценил талант Гоголя. Он прочитывал его произведения до опубликования в печати, благожелательно встретил сборники “Арабески”, “Миргород”, повести “Невский проспект”, “Нос”.

Н.В. Гоголь также с восторгом и почитанием относился к произведениям своего кумира Пушкина. В “Домике в Коломне”, по его мнению, – “вся Коломна и петербургская природа живая”. “Сказку о попе и его работнике Балде” он назвал “прелестью невообразимую”, “Моцарта и Сальери” – “чудной пиесой”.

В сентябре 1831 г., когда вышла из печати первая книжка Гоголя, А.С. Пушкин дал ей свой отзыв в печати. Текст отзыва перекликается с письмом поэта А.Ф. Воейкову, написанном в конце августа того же года: “Сейчас прочел ”Вечера на хуторе близ Диканьки”. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами, какая поэзия, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались ”Вечера”, то наборщики начали прыгать и фыркать. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою” [3, 124–125].

Потом, в 1845 г., Гоголь скажет: “...мне очень хотелось оставить после себя хоть что-нибудь, обо мне лучше напоминающее”. И писатель не мог оставить после себя что-то неотделанное, неготовое, не отвечающее его представлению о прекрасном. Своими произведениями он хотел не только показать Русь “со всех сторон”, но и “засветить миру”, то есть по-гоголевски просветлить мир.

Когда-то, уезжая из дома, Гоголь сказал родным: “Или вы обо мне ничего не услышите, или услышите нечто весьма хорошее”. Именно это – “или – или”. Середины у него нет, повсюду крайность или преувеличение. Если он не видит в своих творениях красоты, смеха – не видит он в них и жизни. И сжигает...

Современники считают, что “Мертвые души” Гоголь начал писать как забавный анекдот и только впоследствии осознал, “на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначительный сюжет”. А впоследствии он почувствовал необходимость исхода из этого страшного сборища человеческих уродов – “необходимость примирения”.

В “Авторской исповеди” Гоголь пишет: “Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело сурьезно... он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение»”.

К счастью, А.С. Пушкин успел увидеть рукопись первых глав “Мертвых душ”, и его советсы сыграли решающую роль в судьбе этого произведения. Н.В. Гоголь, вспоминая этот момент, писал: “Когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ» в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, и наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее отсутствие света (разрядка в тексте оригинала. – В.В.). С этих пор я уже стал думать только о том, чтобы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести «Мертвые души»” [4, 180].

До конца своей жизни А.С. Пушкин был постоянным советчиком и творческим кумиром для Н.В. Гоголя, где бы он ни находился, – в России ли или где-то за границей. Известие о гибели А.С. Пушкина писатель получает будучи в Риме и воспринимает это как личное горе.

В марте 1837 г. он пишет П.А. Плетневу: “Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое – вот что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепет невкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу... Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание... я не в силах продолжать его” [3, 206–207].

Современники вспоминали о том, что в последние дни жизни Николай Васильевич имел еще силы писать дрожащею рукой. Последние слова, написанные им, были: “Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце полученный урок?” И тогда многие думали: “К чему относились эти слова?” По сегодняшний день это остается тайной...

Попробуем разобраться в некоторых трагических событиях жизни Н.В. Гоголя.

В последние дни его жизни приехал из Ржева Тверской губернии Матвей Александрович, священник, известный как образец строгой христианской православной жизни. Писатель уважал этого человека и любил беседовать с ним. С особенною охотой он разговаривал с ним теперь, когда религиозные размышления были ему так по сердцу. Отец Матфей прямо и резко, не взвешивая личности и положения, поучал, с беспощадною строгостью и резкостью проповедовал истины евангельские и суровые наставления церкви. Он объяснял, что если мы охотно делаем все для любимого лица, то чем же мы должны дорожить для Иисуса Христа, сына Божия, умершего за нас. Устав церковный писан для всех; все обязаны беспрекословно следовать ему; неужели мы будем равняться только со всеми и не захотим исполнить ничего более?

Такие и подобные речи, соединенные с обличением неправильной жизни, не могли не действовать на Гоголя, вполне преданного религии, восприимчивого, впечатлительного и настроенного уже на мысль о смерти, о вечности, о греховности. Притом Гоголь видел, как священник

сам на деле исполнял самые строгие пустынно-монашеские установления церкви.

Разговоры этого духовного лица так сильно потрясали его, что он, не владея собою, однажды, прервав его речь, сказал: “Довольно! Оставьте, не могу далее слушать, слишком страшно!”

Что же такое страшное требовал о. Матфей от умирающего писателя?.. Протоиерей Ф.И. Образцов в “Тверских Епархиальных Ведомостях” в № 5 за 1902 г. пишет о том, что о. Матфей, как духовный отец Гоголя, взявший на себя обязанность очистить совесть Гоголя и приготовить его к христианской кончине, потребовал от Гоголя отречения от Пушкина. “Отрекись, потому что он был грешник и язычник...”. Причем, требуя такого страшного для Н.В. Гоголя отречения, священник заявил: “Я считал необходимым это сделать, так как для того, чтобы чистое сердце могло зреть Бога, должно быть устранено все, что заслоняло Бога от неверующего сердца. Но было и еще...” – прибавил о. Матфей.

Но что же еще? Это осталось тайной между духовным отцом и духовным сыном. “Врача не обвиняют, когда он по серьезности болезни прописывает больному сильные лекарства”, – такими словами закончил о. Матфей разговор о Гоголе [5, 553]. После отъезда священника Гоголь стал подробно изучать церковный устав и еще более говорить о смерти.

Имело ли последнее свидание Гоголя с о. Матфеем влияние на его предсмертное настроение, сказать, наверное, невозможно, но считать его весьма вероятным, сопоставляя роковой случай с другими ему подобными, вполне реально.

А вот что рассказывал о последнем своем свидании с Гоголем М.С. Щепкин, известный русский актер, ставивший в свое время “Ревизора”: «Как-то недавно прихожу к Гоголю. Он сидит, пишет что-то. Кругом на столе разложены книги, все религиозного содержания. “Неужели все это вы прочли?” – спрашиваю я. “Все это надо читать”, – отвечал он. “Зачем же надо? – говорю я, – так много написано всего для спасения души, а ничего не сказано нового, чего не было бы в Евангелии”. Тут Гоголь принужденно отшутился, сказав что-то вроде: какой шутник! А я продолжал: “Я и заповеди для себя сократил всего на две: любви Бога и любви ближнего, как самого себя”». Потом Щепкин рассказал Гоголю случай, который произошел с актером однажды, когда тот захотел увидеть, что может сделать вера с человеком. Случай произошел в Воронеже. “Утро было

восхитительное. Я пошел в церковь. На дороге попался мне мужик с ведром: в ведре что-то бьется. Смотрю – стерлядь! Думаю себе: в церковь еще успею. Сторговал, купил рыбу и снес домой. Потом пошел в церковь. Дорогой так восхищался природой, как никогда не запомню. Было чудесное утро”, – вспоминал М.С. Щепкин.

А в церкви Щепкин увидел, как весь народ пришел молить Бога о своих нуждах, бедах и болезнях. “Только я один ничего у тебя не прошу – и молюсь слезно! Неужели тебе нужны, Господи, наши лишения? Ты дал нам, Господи, прекрасную природу, и я наслаждаюсь ею и благодарю тебя, Господи, от всей души”, – подумал Щепкин. “Тогда Гоголь вскочил и обнял меня, вскрикнув: “Оставьте всегда при этом!” [6, 346; 552].

Поразмышляв обо всем творческом пути писателя и последних его встречах со священником о. Матфеем и великим актером М.С. Щепкиным, вполне возможно прийти к выводу о том, что в последние часы своей жизни Николай Васильевич, не страшась возмездия страшным судом, все-таки понял, что он “признательно, благодарно и вечно помня в сердце полученный урок” своего кумира А.С. Пушкина, не погрешил против Бога. Потому, наверное, в последние минуты своей жизни он прошептал: “Как сладко умирать!”.

Литература

1. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Пушкинская энциклопедия. 1799–1999. – М., 1999.
2. Тургенев И.С. Письмо из Петербурга // Вересаев В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. – М., 1990.
3. Вересаев В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. – М., 1990.
4. Гоголь Н.В. Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”. Выбранные места из переписки с друзьями // Вересаев В. Гоголь в жизни...
5. Протоиерей Ф.И. Образцов. О. Матфей Константиновский (по моим воспоминаниям) // Тверские Епархиальные Ведомости. – 1902. – № 5. – 137–141 // Вересаев В. Гоголь в жизни...
6. Щепкин М.С. По записи его сына, А.М. Щепкина / М.С. Щепкин. Изд. А.С. Суворина. – СПб., 1914 // Вересаев В. Гоголь в жизни...